

К.Ю. Лавров: «...Кажется, весной 1986 года (с хронологией у меня всегда было неважно) в ЦК партии состоялась встреча деятелей театра с Е.К. Лигачевым. На Старую площадь пригласили человек тридцать, в том числе Г.А. Товстоногова и меня. Первая половина встречи мне ничем особенным не запомнилась – обычные призывающие слова, привычные формулировки. Но в конце Лигачев вдруг объявил перерыв, сказав, что, может быть, через какое-то время с нами встретится Генеральный секретарь (если он освободится и найдет для этого время), а пока, дескать, покурите, попейте водички, но не расходитесь далеко. Все были заинтригованы, всем очень хотелось посмотреть на нового Генсека... Но тем не менее кто-то толпился у столиков с настоящим “Боржоми” и “Байкалом”, кто-то, выстроившись в очередь к телефону, пытался дозвониться к себе на службу.

Горбачев появился как-то очень тихо и незаметно, следом за ним шел Лигачев и еще кто-то, вероятно охрана. Весть о том, что Генсек пришел, разнеслась мгновенно, и сравнительно небольшая комната перед тоже небольшим залом, где проходило совещание, заполнилась людьми. Все стояли. Горбачев медленно двигался в толпе, здороваясь и пожимая руки. Он был в темно-синем костюме и почему-то показался мне меньше ростом, чем я предполагал. Никакой пышности и помпы – охрана никого не толкала, сопровождающие не сутились. Горбачев был тих, внимателен и сосредоточен... Поравнявшись со мной, он поднял глаза, внимательно посмотрел и улыбнулся: “Кирилл, здравствуй”, – сказал он мне, как будто мы были давно знакомы. Я никогда не видел таких светящихся, сияющих глаз – точно два фонарика горят. Обращение на “ты” не смущило меня – я привык, что в среде партийных руководителей это принято. “Где снимаешься сейчас? Я видел многие твои фильмы...”. Он пошел дальше. “Здравствуйте, Георгий Александрович, – обратился он к Товстоногову уже на “вы”. – Как живет ваш БДТ?”. Он шел дальше, пожимая руки и называя многих по именам. Вряд ли он смог выучить наши имена за несколько минут до встречи. Значит, знает нас? Все были этим приятно поражены, потянулись за ним в зал и сели вдоль

длинного стола, за которым прошла первая часть нашего заседания. Михаил Сергеевич сел в торце, на председательское место. Повисла небольшая пауза, все с нетерпением ждали, что и как будет говорить новый Генсек. И он заговорил. Это был монолог. Но какой! Горячий, убежденный! Чувствовалось, что человек поглощен и увлечен идеями, роившимися в его голове. Никаких бумажек и шпаргалок. Речь шла о необходимости перестройки, о невозможности жить так, как жили раньше. Все слушали, раскрыв рты, – так это было не похоже на все бесчисленные встречи, заседания, совещания, на которых каждый из нас присутствовал ранее.

Потом он предложил задавать вопросы или просто выступить, если есть желающие. Я уже не помню, кто что говорил: выступающих было немного, все были под впечатлением монолога. Помню, Товстоногов спросил: “Михаил Сергеевич, нас беспокоит появившаяся в последнее время в некоторых СМИ тенденция к реабилитации образа Сталина. Что Вы думаете по этому поводу?”. – “О каждом времени нужно судить объективно, – ответил Горбачев после короткой паузы. – Все, что было страшного и плохого, надо осудить, а что было положительного и хорошего, тоже забывать нельзя. Это все наша история...”. Как мне показалось, Георгия Александровича не очень удовлетворил этот ответ. Попрощавшись и сказав, что очень рассчитывает на поддержку творческой интеллигенции, Горбачев встал и вышел в сопровождении Лигачева в какую-то боковую дверь.

Мы с Товстоноговым жили в гостинице “Москва”. Он ушел туда раньше, а я решил воспользоваться случаем и купить в буфете хороших и недорогих сигарет. Придя в гостиницу, я не находил себе места – слишком много было впечатлений. Я снял трубку и набрал номер Товстоногова: “Георгий Александрович, можно сейчас к Вам зайти?” – “Заходите, Кира”. Я спустился на один этаж по широкой мраморной лестнице и постучался в дверь товстоноговского номера. “Кира, это Вы?” – “Я”. Щелкнул замок, и дверь приоткрылась. Товстоногов был в трусах и без очков. Это зрелище было настолько неожиданное, что я невольно задержался в дверях. “Проходите,

проходите”, – сказал он и сел на кровать. “Ну, и что Вы можете сказать о нашем новом Генсеке?” – спросил я. Он посмотрел на меня снизу вверх странными без привычных очков близорукими глазами и после небольшой паузы выдохнул: “Потрясающе!!!”».